

23. Чанборисов Ш.М. Формирование советской университетской системы. Уфа, 1973.
24. Научные кадры в СССР: динамика и структура. М., 1991.
25. Дукарт С.А. Интеллигенция Сибири в послевоенные годы (1945–1953): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1997.
26. Казарин В.Н. Образование, наука и интеллигенция Восточной Сибири (вторая половина 40-х – середина 60-х гг. XX в.). Иркутск, 1998.
27. Куперштох Н.А. Кадры академической науки в Сибири (середина 1950–1960 гг.). Новосибирск, 2000.
28. Елютин В.П. Высшая школа общества развитого социализма. М., 1960.
29. Образцов И.Ф. Высшая школа Российской Федерации сегодня // Вестник высшей школы. 1981. № 7.
30. Ягодин Г.А. Наука – школа разума // Правда. 1991. 22 марта.
31. Мухин П.А. Эффективность научной деятельности вузов. М., 1979.
32. Калинин Е.В. Научно-технический потенциал вузов и пути его эффективного использования. М., 1982.
33. Балакин В.С. Отечественная наука в 50-е – середине 70-х гг. XX в. (опыт изучения социокультурных проблем). Челябинск, 1997.
34. Петрик В.В. Организация научно-исследовательской работы в педагогических вузах Сибири (1980 гг.) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. История (спецвыпуск). 2000. Вып. 4.
35. Кольцов И.А. Организация научных исследований в вузах Ленинграда в 1966–1970 гг. СПб., 1996.
36. Водичев Е.Г. Путь на Восток: формирование и развитие научного потенциала Сибири. Новосибирск, 1994.
37. Ягочкин В.П. Наука в Сибири в 1965–1980 гг.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Иркутск, 1995.
38. Зиновьев С.И. Учебный процесс в советской высшей школе. М., 1968.
39. Архангельский С.И. Учебный процесс в высшей школе, его закономерные основы и методы. М., 1960.
40. Филиппов Ф.Р. Социальные перемещения. М., 1970.
41. Лисовский В.Т., Дмитриев А.В. Личность студента. Л., 1974.
42. Рубина Л.Я. Советское студенчество. Социологический очерк. М., 1981.
43. Деятельность коллективов инженерных вузов Сибири по внедрению в учебный процесс технических средств обучения и электронно-вычислительной техники во второй половине 60-х – начале 90-х гг. XX в. (исторический аспект) // Известия Томского политехнического университета. 2004. Т. 307. № 4.
44. Петрик В.В. Меры коллективов высших учебных заведений Сибири по совершенствованию учебного процесса в период приближения вузов к производству (конец 50-х – середина 60-х гг. XX в.) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. Сер. Философия. Культурология. Филология. 2004 (июнь). № 282.
45. Ольховский В.И. Коммунистическое воспитание студентов. М., 1971.
46. Макеев В.М. Воспитание коммунистической убежденности студентов. М., 1977.
47. Зубкова Е.В. Деятельность партийных организаций вузов по коммунистическому воспитанию студенческой молодежи. М., 1969.
48. Артемьев Е.Ф. Студенческие отряды и коммунистическое воспитание молодежи. М., 1978.
49. Рустемов Л.З. Коммунистическое воспитание студенческой молодежи. Алма-Ата, 1985.
50. Проблемы нравственно-эстетического воспитания студенческой молодежи в высших учебных заведениях Сибири. 1958–1991 гг. (к истории вопроса) // Известия Томского политехнического университета. 2004. Т. 307. № 6.
51. Петрик В.В. Исторический опыт трудового воспитания студенческой молодежи. 1958–1991 гг. (на примере высшей школы Сибири) // Известия Томского политехнического университета. 2004. Т. 307. № 7.
52. Кучер Л.Ф. Деятельность комсомольских организаций Западной Сибири по идейно-политическому воспитанию студенческой молодежи (1966–1970 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1974.
53. Носоченко Л.Г. Исторический опыт и проблемы идейного воспитания студенческой молодежи (на материалах вузов Восточной Сибири, 1976–1985 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1993.
54. Мансурова С.Ч. Практика политического воспитания студенческой молодежи в вузах Восточной Сибири в 1971–1975 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1995.

В.Н. Владимиров

ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНФОРМАТИКА: ПУТИ РАЗВИТИЯ

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

Актуальность обращения к путям и вариантам развития такой дисциплины, как историческая информатика, определяется тенденциями развития современной науки, прежде всего, глубокими меж-

дисциплинарными интеграционными процессами и информатизацией научных исследований. Эти процессы коснулись как естественных, так и гуманитарных наук. Противопоставление гуманитарно-

го и естественнонаучного мышления сменяется идеями системного изучения окружающего нас мира и общества.

Интеграция наук, ставшая одной из ведущих тенденций развития научного мировоззрения в XX столетии, привела к пониманию необходимости междисциплинарного подхода (синтеза) в исторической науке, который можно рассматривать как на уровне теории и методологии, так и на уровне методологической практики. Следствием этого стало как привлечение данных и инструментария других наук (гуманитарных и естественных), так и возникновение новых научных дисциплин на стыке разных наук.

Развитие научных дисциплин на стыке информатики с другими науками (в том числе с историей) привело к возникновению, с одной стороны, таких явлений, как гуманитарная и социальная информатика, занимающихся исследованием влияния информатики на социальные процессы в обществе и на развитие гуманитарных наук и образования, с другой – «отраслевых информатик» (исторической, правовой, биологической и пр.), которые адаптируют методы и алгоритмы общей информатики, технологии компьютерной обработки данных применительно к особенностям отдельных отраслей человеческого знания. При этом происходит не только дальнейшая математизация и компьютеризация науки в целом, отмеченная как одна из ведущих тенденций ее развития еще в прошлом столетии, но и обратное влияние отдельных наук на информатику: работа с разнохарактерными данными, в том числе гуманитарными, расширяет возможности и инструментарий самой информатики как науки.

Системный подход к изучению объектов и явлений, интегрированный в историческую науку, привел к складыванию историко-системного метода, который завоевывает все большее признание в исторической науке. Решение конкретно-исторических задач здесь во многом зависит от выявления «...системообразующих (системных) признаков, присущих компонентам выделяемой системы» [1, с. 199–200].

Как отмечает Л.П. Репина, в результате междисциплинарного взаимодействия некогда строго упорядоченное исследовательское поле исторических наук «...оказалось покрыто плотной сетью коммуникаций, что сделало все предполагаемые разграничения более чем условными. Тем более это относится к положению тех субдисциплин, которые были обязаны своим происхождением развитием полидисциплинарных исследований» [2, с. 27]. Речь практически идет «...не только об использовании данных и методики других дисциплин, но и об интеграции на уровне объектов их научных интересов, и более того – о конструировании

междисциплинарных объектов (курсив мой. – В.В.)» [2, с. 11].

В настоящее время создается новая информационная среда развития исторической науки. Это относится как к возможностям доступа к историческим источникам, так и к появлению новых способов извлечения из источников исторической информации. Изменяются как представления о задачах, тематике, возможностях исторических исследований, так и методика, и техника самого исследования, что, безусловно, порождает новые способы фиксации, передачи и сохранения информации. Появляются возможности обнаружения ранее скрытой информации, ее извлечения и обработки [1, с. 118–140].

Междисциплинарный подход к историческому исследованию, как следствие интеграции наук, все больше пробивает себе дорогу в современной исторической науке. История все прочнее встает на твердую почву полноправных научных изысканий с применением методов и подходов как смежных гуманитарных, так и естественных (точных) наук. Здесь одним из самых плодотворных является союз истории и информатики, уже доказавший в последнее десятилетие свою состоятельность. Как образно пишет А.М. Берлянт: «Информатика «дышит в затылок» всем наукам, догоняя и увлекая их за собой, а порой и поработавшая в стремлении к бесконечному компьютерному совершенству» [3, с. 6]. Сегодня уже практически ни у кого не вызывает сомнений необходимость перехода на новый этап более глубокого интегрирования возможностей информатики в исторические исследования.

Развитие источниковедения на этом пути, подкрепленное микрокомпьютерной революцией, привело к созданию новой научной дисциплины – исторической информатики. Осмысление предмета и объекта исследования исторической информатики как научной дисциплины, ее места в системе исторических дисциплин началось в 90-е гг. прошлого века и продолжается в нашей литературе в настоящее время. Наибольшую остроту эти дискуссии имеют в рамках профессиональной Ассоциации «История и компьютер» – на ее конференциях (см.: [4–11]), на страницах Информационного бюллетеня [12–18] и других изданий Ассоциации [19–25]. Проблема, однако, является столь актуальной, что ее обсуждение, включая изложение базовых моментов нового научного направления и определение основных направлений его развития, вышло на страницы даже учебных пособий [26–28].

В начале нового, XXI столетия, отечественная историческая информатика оказалась перед сменой парадигмы: происходит переход от утверждения компьютера как полноправного инструмента исторического исследования к необходимости разра-

ботки и внедрения в исторические исследования более тонких и продвинутых алгоритмов и технологий [29].

Если в начале пути становления и развития исторической информатики ярко выраженной парадигмой было внедрение компьютера в историческую науку и образование, то сейчас этот период можно считать пройденным. Компьютер стал доступным для преподавателей, научных сотрудников и студентов. Более того, для многих историков он стал реальным рабочим инструментом научной, в еще большей степени научно-организационной работы. Наличие многочисленных электронных ресурсов и средств телекоммуникации сделали компьютер важным инструментом доступа к исторической информации и историческим знаниям. Мультимедийные технологии давно стали привычным средством представления источников и результатов исторического исследования. В этих условиях становится неизбежным вопрос: «Что может предложить историческая информатика для интенсификации исторических исследований, расширения круга методов и технологий изучения исторических данных?».

Основным путем здесь пока является адаптация стандартного (в основном коммерческого) программного обеспечения к нуждам исторических исследований. В этом сообщество историков, применяющих компьютерные технологии, достигло определенных успехов. Однако здесь есть существенная опасность: постановка исследовательской задачи часто подменяется осмысливанием имеющихся возможностей компьютерных технологий. Иными словами, исследователи подчас подменяют решение творческих задач «подгонкой» источников под имеющееся (еще чаще под уже освоенное) программное обеспечение. Думается, что ничего негативного в этом нет, поскольку используемые программы и алгоритмы потому и стали стандартными, что направлены на решение универсальных задач. В то же время чрезмерное увлечение стандартным программным обеспечением может размывать специфику изучения исторических источников и обработки исторических данных.

Создавшаяся ситуация демонстрирует вполне закономерные «трудности роста» исторической информатики, объяснимые либо ее сравнительно молодым возрастом, либо обстоятельствами, связанными с переходом на новый этап развития. О путях развития перспективного научно-образовательного направления задумываются многие специалисты, дающие подчас разные ответы на одни и те же вопросы. Одной из наиболее острых и в то же время основательных работ на эту тему является вышедшая недавно книга нидерландских историков [30]. Вряд ли, однако, можно говорить о методологичес-

ком тупике. Фактически именно это имеют в виду некоторые исследователи, характеризующие современное состояние исторической информатики. Так, В.С. Тяжельникова говорит об исторической информатике как о крайне противоречивом явлении, отличающемся пестротой и многообразием, отсутствием цельной методологической парадигмы, как о направлении, переставшем продуцировать «технологии исторического знания», вследствие чего интерес к ней снизился сам собой [31, с. 85].

Разумеется, каждый имеет право на свою точку зрения. И, безусловно, мнение человека, в свое время бывшего весьма активным поборником рассматриваемого направления, небезынтересно, в том числе и тем, кто в отличие от В.С. Тяжельниковой не разочаровался в исторической информатике. Однако развитие этой отрасли исторической науки, справедливо связываемой автором цитируемой статьи с деятельностью Ассоциации «История и компьютер» (АИК), проходило под сильным влиянием наших западных коллег, поскольку «материнская» международная Ассоциация «History & Computing» существовала к тому моменту уже как минимум 6 лет (если брать за точку отсчета 1992 г.). Да и за плечами отечественной школы квантификации были серьезные работы с применением компьютера, принадлежащие перу И.Д. Ковальченко, Л.В. Миловой, Л.И. Бородкина, А.К. Соколова и многих других историков. Поэтому говорить об исследователях, объединившихся в 1992 г. в АИК, как просто о «пытавшихся экспериментировать с новыми тогда компьютерными технологиями» [31, с. 84], по меньшей мере, неточно.

Вряд ли можно согласиться и с оценкой, данной В.С. Тяжельниковой трудам конференций АИК, объединенным в серию «Круг идей»: «...Поиски такого рода не были совсем бесполезными...» [31, с. 85]. То есть были вроде бы бесполезными, но не совсем. Полемицировать с этим бессмысленно, поскольку работы, посвященные применению новых информационных технологий в исторических исследованиях занимают свою, весьма достойную нишу в исторической науке, на что указывает и авторитет АИК, и широкий интерес к проблематике исторической информатики на страницах отечественных академических журналов [32–40 и др.].

В то же время нельзя не согласиться с В.С. Тяжельниковой в констатации, например, такого факта, что историческая информатика стала для историка «составной частью общего профессионального образования» [31, с. 85]. Это и является главным итогом первого этапа развития рассматриваемого научного направления, которое привело к тому, что историк, не владеющий хотя бы основами компьютерной грамотности и не знающий основных направлений компьютерной обработки исторических

данных, существенно обедняет свой творческий инструментарий.

Вполне естественно, что за прошедшие годы произошло некоторое расслоение и ранее не единого научного сообщества «исторических информатиков». Оно, как представляется, идет в сторону выделения, с одной стороны, сравнительно небольшой прослойки специалистов, разрабатывающих и адаптирующих новые алгоритмы и технологии исторического исследования с применением компьютера, с другой – более широкого слоя историков – высококвалифицированных пользователей компьютера, способных самостоятельно решать соответствующие научные задачи. Но историческая информатика – это не первая и не вторая группа в отдельности, а обе эти группы вместе.

Итак, методологического тупика нет, но трудностей вполне достаточно. Выход здесь видится в нескольких направлениях. Прежде всего, необходимо развивать специфические для исторического исследования алгоритмы и приемы обработки данных. Во-вторых, нужно более оперативно реагировать на появление новых технологий, предлагаемых развитием информатики в целом. В-третьих, надо «плотнее» интегрироваться с отдельными отраслями исторической науки, как это происходит, например, в области исторической демографии, где по объему и тематике исследований на одно из первых мест в последние годы вышла так называемая «новая историческая демография», инструментарий которой во многом основан именно на компьютерных технологиях, позволивших перейти на микроуровень исследования демографических процессов (см., напр.: [41–43]). Наконец, мы до сих пор не исчерпали потенциал универсального программного обеспечения, а в некоторых областях фактически лишь начинаем к нему присматриваться. Ярким примером этого служат геоинформационные системы.

Под геоинформационными системами (ГИС) обычно понимаются автоматизированные информационные системы, предназначенные для обработки пространственных и атрибутивных данных, основой интеграции которых служит географическая информация [44, с. 8]. Являясь сложным и дорогостоящим программным обеспечением, ГИС широко применяются в различных сферах человеческой деятельности, в том числе в научных исследованиях, и история здесь не является исключением [45].

В широком плане можно говорить о ГИС как о мощном инструменте системного анализа, а об исторических исследованиях с их помощью – как о сфере действия *исторической геоинформатики*. Именно карта сегодня является главным связующим звеном между историей и геоинформатикой,

хотя возможности последней значительно больше. *Объектом* изучения исторической геоинформатики являются пространственные аспекты исторических явлений и процессов, а *предметом* исследования – особенности создания исторических геоинформационных систем и анализа исторических данных через использование ГИС.

Среди многочисленных применений геоинформационных систем в исторической науке приоритетным остается пока компьютерное картографирование [46]. Карта по своей сути является комплексным источником. Здесь нашли свое место как отражение пространственной реальности, так и те исторические процессы, которые интегрируются в географическом пространстве и которые являются собственно объектом изучения для историка; это источник, относящийся одновременно к различным областям знания. Создание же исторической компьютерной карты по своей сути является моделированием нового источника.

Историческая геоинформатика может рассматриваться как дальнейшее развитие картографического метода в исторической науке. Помноженные на мощь компьютерных технологий, его познавательные возможности позволяют значительно расширить горизонты исторического знания, связанного с пространственными условиями и факторами исторических процессов. Как отмечают некоторые исследователи, ключевой пункт в использовании ГИС историками заключается не в том, чтобы рассматривать ГИС как новый революционный подход, а в том, что геоинформационные системы расширяют возможности обогащения существующих исторических знаний продвинутыми пространственными суждениями как через возможности описания новыми способами месторасположения объекта в пространстве и его атрибутов, так и в плане отношения локализаций объектов между собой [47, р. 8].

Как отмечает Л. Зиберт, историческая пространственная информация очень сложна для работы с ней. Историк черпает ее из самых разнообразных источников – карт с различными масштабами, разнообразия картографических стилей, разного уровня детализирования и степени точности, планов городов, фотографий, переписей и многих других. Историк сравнивает и тщательно отбирает пространственную информацию из разных типов источников либо из источников одного типа, но разного времени. Все это очень трудно и сложно, поскольку эта информация является для историка отнюдь не близкой и привычной. Геоинформационные системы позволяют связать разные виды и типы данных, что невозможно при использовании других технологий [48, р. 538].

Источники географической информации для создания исторических ГИС черпаются не только из

современных картографических представлений той или иной части пространства. Не меньшую, а подчас и значительно большую роль здесь играют исторические источники. В качестве таковых могут быть использованы не только старые карты. Географическая информация содержится в самых разнообразных видах исторических источников. В несколько завуалированном виде она присутствует в различных статистических данных (материалы переписей, обследований и пр.), поскольку они обычно связаны с определенной территорией. Географическую информацию в принципе содержат, например, телефонные справочники с адресами или почтовые коды. Тексты и имиджи, например фотографии, тоже содержат пространственную информацию в описательной форме. Как отмечают Я. Грегори, К. Кемп и Р. Мостерн, когда «... текст указывает название местности, это очевидная географическая информация» [47, р. 9]. Те же авторы указывают на такое качество географической информации, как ее «повсеместность» и множество путей отражения в различных видах исторических источников, которые потенциально могут составить основу исторической ГИС [47, р. 9].

Геоинформационные системы очень чувствительны к неполноте и непоследовательности данных. Однако этот их, казалось бы, недостаток, можно рассматривать и как достоинство: хотя он требует от историка большой источниковедческой работы, результаты, как правило, превосходят все ожидания. Сам же ввод данных – это наиболее трудоемкий этап работы с ГИС не только для историков, но и при работе с данными других наук [48, р. 568].

Помимо традиционной критики источника для оценки его репрезентативности в отражении исторических процессов необходимо учитывать и специфику обработки данных этих источников в историческом компьютерном картографировании. Как правило, в круг наиболее подходящих источников для такого вида исторического исследования входит комплекс статистико-картографических материалов. Учитывая специфику каждого вида вышеупомянутых источников в общем плане их критики, необходимо помнить и о специфике их дальнейшего вовлечения в процесс исследования. По своей структуре историческое компьютерное картографирование оперирует не всем комплексом имеющихся данных, а лишь отобранными нами на данный конкретный момент исследования, при этом обеспечивается «просеивание» материала на предмет выделения необходимых данных из общего их количества. В этом случае в зависимости от характера имеющегося у нас материала мы можем рассматривать или пространственно-временную, или лишь пространственную характеристику интересующего нас процесса.

Фактически речь идет о создании и введении в научный оборот нового вида источников исторического знания – компьютерных картографических материалов. Работа эта имеет много аспектов – теоретических, связанных, в частности, с фактическим созданием новых источников и схожих с теми проблемами, которые возникают перед создателями комплексных баз исторических данных, опирающихся на различные материалы; технических, рассматривающих проблемы представления и связывания данных; источниковедческих, которые касаются вопросов поиска и информационной отдачи различных источников [49, с. 87 и сл.].

Безусловно, компьютерная карта для историка – это, прежде всего, тематическая карта. Подобные карты возникли как средство отражения многочисленных показателей, обусловленных увеличением количества данных; как специальные, узко-тематические, находящиеся в той отрасли знания, к которой они принадлежат. Однако с появлением компьютерных картографических пакетов открылась возможность не разбивать тематические карты по отраслям научных знаний, а воссоединить и систематизировать по возможности все те данные, которые нашли свое отражение на карте. Например, историк подчас видит необходимость не только визуально представлять ход событий (походы, сражения, основания городов), но и видеть отражение на карте эволюции ландшафта, климатических условий тех или иных местностей и т.д. При этом увеличение комплекса данных не затрудняет процесс их обработки, а наоборот, унифицирует исследование и преобразует взгляд исследователя на те процессы, которые происходили и происходят в определенном географическом пространстве.

Поскольку компьютер хранит в памяти карту не как изображение, а как набор координатных файлов, такая карта обладает структурными характеристиками, важными для анализа: возможностями выводить только часть информации согласно запросам, комбинировать различные характеристики, соединяться с базами статистических данных и пр. В зависимости от запросов мы можем представить одни и те же данные практически бесконечным количеством способов. Иными словами, компьютерная карта – это средство моделирования исторических процессов в пространстве и времени.

К сожалению, на сегодняшний день темпы внедрения геоинформационных систем в исторические исследования оставляют желать лучшего. Британские исследователи П. Эл и Я. Грегори указывают на следующие причины создавшегося положения: ГИС-системы являются довольно дорогими; создание ГИС-данных дорого и отнимает много времени; историки не могут немедленно видеть преимущества использования пространственных данных в

своих исследованиях [50, р. 3]. Впрочем, в этом есть и плюс – часто несложные в использовании программы, например статистические, приводят к злоупотреблениям [47, р. 22]. Но даже учитывая все сложности работы с ГИС и высокие требования к данным, интерактивная природа компьютера делает ее куда более мощным средством исследования, чем простое рассматривание карт, – не без юмора замечает Л. Зиберт [48, р. 569].

Следует подчеркнуть, что обращение к ГИС не только расширяет инструментарий историка, добавляя в его «мастерскую» новое мощное средство обработки исторической информации. Как подчеркивают Д. Рамсей и М. Вильямс во вводной статье к одной из последних сводных работ по применению геоинформационных систем в истории, обращение к картографическому материалу позволяет обнаружить и использовать информацию, не содержащуюся в других видах источников, стимулируют интерес к технологии изготовления карт в прошлом, делают необходимым понимание географических основ ГИС [45, р. 1].

Разумеется, мы далеки от того, чтобы каким-то образом абсолютизировать историческое компьютерное картографирование, впрочем как и любую другую компьютерную технологию, применяемую в истории. Все они только помогают приоткрыть

тот занавес, который находится между нами и историческим прошлым.

Исследование исторических проблем посредством картографического метода с использованием компьютера вводит в исследовательский процесс большое количество источников, различных по своей структуре и смысловой нагрузке, требующих серьезной кропотливой работы еще до того, как их данные станут элементами информационной базы компьютерной карты. Сложность и трудоемкость вовлечения новых источников в оборот исторического исследования с помощью компьютерного картографирования будут возрастать как из-за расширения их видового состава, так и вследствие интенсификации их изучения, что неизбежно заставит решать вопросы как методологического, так и чисто технического характера.

Таким образом, в освоении стандартного коммерческого программного обеспечения для нужд историков есть еще значительный резерв. И это касается отнюдь не только геоинформационных систем. Думается, что историческая информатика, только-только пережившая период становления, нуждается не столько в оценках ее роли в историческом исследовании и образовании, сколько в скорейшем полноценном внедрении в эти сферы.

Литература

1. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 2003.
2. Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998.
3. Берлянт А.М. Геоинформатика. М., 1996.
4. Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер» (далее: ИБ АИК). М., 1994. № 10.
5. ИБ АИК. М., 1995. № 14.
6. ИБ АИК. М., 1996. № 17.
7. ИБ АИК. Минск, 1997. № 21.
8. ИБ АИК. М., 1998. № 23.
9. Новые информационные ресурсы и технологии в исторических исследованиях и образовании: Сб. тез. и докл. Всероссийской конф. М., 2000.
10. ИБ АИК. М., 2002. № 30.
11. ИБ АИК. М.; Томск, 2004. № 32.
12. ИБ АИК. М., 1995. № 13.
13. ИБ АИК. М., 1996. № 19.
14. ИБ АИК. М., 2000. № 26/27.
15. ИБ АИК. М., 1996. № 18.
16. ИБ АИК. М., 1998. № 22.
17. ИБ АИК. М., 1999. № 24.
18. ИБ АИК. М., 2002. № 29.
19. Бородкин Л.И. Историческая информатика в СССР/России: ретроспектива, состояние, перспективы // История и компьютер: Новые информационные технологии в исторических исследованиях и образовании. St. Katharinen, 1993.
20. Бородкин Л.И. Информатика, математика, история: персонификация междисциплинарного процесса // Круг идей: новое в исторической информатике. М., 1994.
21. Бородкин Л.И. Историческая информатика в развитии: методологические аспекты // Круг идей: модели и технологии исторической информатики. М., 1996.

22. Подгаецкий В.В. Клиометрика: axiomata minora (Версия 3. Предметное пространство) // Круг идей: развитие исторической информатики. М., 1995.
23. Подгаецкий В.В. Числа и мысли или утопия? // Круг идей: традиции и тенденции исторической информатики. М., 1996.
24. Подгаецкий В.В. «Историческая информатика» как источниковедение XX и/или XXI века? Pro et Contra (Ad Nominem) // Круг идей: историческая информатика в информационном обществе. М., 2001.
25. Тяжелникова В.С. Компьютерное источниковедение: к постановке проблемы // Круг идей: развитие исторической информатики. М., 1995.
26. Белова Е.Б., Бородкин Л.И., Гарскова И.М. и др. Историческая информатика. М., 1996.
27. Информатика для гуманитариев: Вводный курс. М., 1997.
28. Информационные технологии для гуманитариев: Учебное пособие. М.; Саранск, 1998.
29. Бородкин Л.И. Историческая информатика начала XXI века: спрос на специальные алгоритмы и технологии // ИБ АИК. М.; Томск, 2004. № 32.
30. Boonstra O., Breure L. and Doorn P. Past, present and future of historical information science. Amsterdam, 2004.
31. Тяжелникова В.С. От старой к новой социальной истории // Исторический ежегодник, 2002–2003. Омск, 2003.
32. Мухин М.Ю. История и компьютер в Восточной Европе // Отечественная история. 1995. № 1.
33. Бородкин Л.И. Историческая информатика: этапы развития // Новая и новейшая история. 1997. № 1.
34. «Круглый стол»: «Методологические проблемы исторической информатики и количественной истории» // Новая и новейшая история. 1997. № 3.
35. «Круглый стол»: «Методологические проблемы исторической информатики и количественной истории» // Новая и новейшая история. 1997. № 5.
36. «Круглый стол»: «Историк, источник и Интернет» // Новая и новейшая история. 2001. № 2.
37. Юмашева Ю.Ю. Круг идей: новые издания по исторической информатике // Вопросы истории. 1999. № 9.
38. Юмашева Ю.Ю. Историческая информатика в зеркале периодического издания // Отечественная история. 2001. № 1.
39. Аникеев И.А., Покасов В.Ф. Историческая информатика в России и за рубежом // Новая и новейшая история. 2001. № 1.
40. Бородкин Л.И., Владимиров В.Н., Гарскова И.М. Новые тенденции развития исторической информатики. По материалам XV Международной конференции «История и компьютер» // Новая и новейшая история. 2003. № 1.
41. Handbook of International Historical Microdata for population Research. Minneapolis, 2000.
42. Компьютер и историческая демография: Сборник научных трудов. Барнаул, 2000.
43. Носевич В.Л. Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе. Минск, 2004.
44. Цветков В.Я. Геоинформационные системы и технологии. М., 1998.
45. Past Time, Past Place: GIS for History. Ed. A.K.Knowles. Redlands, 2002. XX.
46. Владимиров В.Н. Пространственный анализ и компьютерное картографирование в изучении социально-экономических процессов в Сибири XIX – начала XX вв. // Материалы научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 1997.
47. Gregory I.N., Kemp K.K. and Mostern R. Geographical Information and historical research: current progress and future directions // History and Computing. 2001. Vol. 13. No 1.
48. Siebert L. Using GIS to Document, Visualize and Interpret Tokio's Spatial History // Social Science History. 2000. Vol. 24. No 3.
49. Гарскова И.М. Базы и банки данных в исторических исследованиях. Goettingen, 1994.
50. Ell P.S. and Gregory I.N. Adding a new dimension to historical research with GIS // History and Computing. 2001. Vol.13. No 1.

И.Ю. Николаева

АРХАИКА И ГЕНДЕРНЫЕ КОДЫ КУЛЬТУРЫ В СВЕТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СФЕРЫ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Томский государственный университет

Сегодняшнее гуманитарное знание, освобождаясь от многих стереотипов в интерпретации тех или иных культурно-исторических феноменов, все чаще ставит вопросы, казалось бы, мало связанные с проблемами, которыми традиционно занимались обществоведы. Вопросы пола, секса, смеха и других интимных сторон человеческого бытия все

чаще появляются на страницах и исторических исследований. Как выразился Ж. Викас, если ранее исследователи, занимавшиеся сексуальностью, воспринимались академическим сообществом маргиналами, то теперь ситуация изменилась [1, р. 27]. Бурно развивающаяся не только на Западе, но и в отечественной историографии область гендерных